DOI: 10.17976/jpps/2015.06.03

ЛАЗАРЕВСКИЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А.В. Торкунов

ТОРКУНОВ Анатолий Васильевич, доктор политических наук, академик РАН, ректор МГИМО МИД России. Для связи с автором: rectorat@inno.mgimo.ru

Статья поступила в редакцию: 03.08.2015. Принята к печати: 15.09.2015

Аннотация. В статье анализируется история Лазаревского института восточных языков, который существовал в Москве в 1815-1917 гг. и стал одной из важнейших институциональных основ московской школы востоковедения. Выявляется специфика этого, на первом этапе частного, учебного заведения, которая в существенной степени предопределила его жизнеспособность и заключалась в ориентации на практические нужды государственного аппарата, прежде всего Министерства иностранных дел. История Лазаревского института рассматривается во взаимосвязи с историей становления в России такой комплексной отрасли науки, как востоковедение. Политические потрясения в зарубежной Европе в конце XVIII – первой половине XIX в. актуализировали внимание российского образованного общества ко всему неевропейскому, в особенности – к Востоку, что способствовало развитию российских школ востоковедения. При этом на рубеже XX в. фокус внимания в существенной степени сместился с ближневосточной, кавказской и среднеазиатской тематики на дальневосточную. Традиции, сложившиеся в Лазаревском институте, оказали определяющее воздействие на отечественное востоковедение XX в. и современное российское востоковедение. Эти традиции унаследовал и преемник Лазаревского института – МГИМО. Актуальной для современного востоковедения является проблема качественного усложнения структуры научного знания, деструктурирования его былой целостности. В контексте темы статьи ключевым является то, что понятие “Не-Запад” существенно шире и сложнее, чем понятие “Восток”. Российское же востоковедение – как интегральное знание и понимание – разбрелось по “национальным квартирам”, сосредоточилось на конкретике – либо прагматической, либо отвлеченно-локальной. Подчеркивается, что российские востоковеды утратили единое проблемное поле, которое связывало их столетие назад. В статье констатируется необходимость академической дискуссии о состоянии, проблемах и перспективах российского востоковедения, а также о взаимодействии с коллегами на Востоке и на Западе.

Ключевые слова: Лазаревский институт восточных языков; Московский государственный институт международных отношений; российское востоковедение.

В 2015 г. исполнилось двести лет со дня основания знаменитого Лазаревского института восточных языков. Корни его уходят в далекий XVII в., когда стали обыденными русско-армянские торговые связи и армянские купцы сделались частью московской повседневности. Их посредническая роль выходила за сугубо торговые рамки – при царе Алексее Михайловиче некоторым армянским купцам случалось вести переговоры от имени иранского шаха Шахроха с главой Посольского приказа боярином Артамоном Матвеевым. А отправленный в 1675 г. в Бухару с посольством стольник Василий Александрович Даудов по происхождению, как считают, был армянином [История... 1990: 30].

Шли годы, численность армянских общин в России росла, чему способствовала и политика правительства. Опыт и связи купечества все шире использовались в осуществлении внешних сношений, в том числе и знание языков – восточных и западных. В Москве среди армянских семейств выделялись купцы Лазаревы, во второй половине XVIII в. – владельцы процветающей Фряновской мануфактуры (в нынешнем Щелковском районе Московской области). В 1776 г. Екатерина II пожаловала роду Лазаревых дворянство. Один из тогдашних Лазаревых – Иван Лазаревич – сделал блестящую карьеру при дворе, во время двух русско-турецких войн став советником императрицы.

Будущий институт восточных языков первоначально был одним из благотворительных проектов Ивана Лазаревича – по приобщению армянского юношества к европейской культуре. Судьба распорядилась так, что училище удалось создать лишь после его смерти. Будущее нового учебного заведения в значительной степени было определено местом его основания – в древней российской столице. Что же касается преподавателей, то, не найдя достойных на Кавказе, наследник дел Ивана Лазаревича – его младший брат Еким Лазаревич – обратился в Венецию, к тамошним представителям армянского католического ордена мхитаристов. В одном из своих писем Еким Лазаревич писал: "В науке не принимается в соображение вероисповедание, а требуется лишь образованный человек, сведущий и честных правил и нравственности. Так поступают образованные и просвещенные народы, в университетах которых часто читают лекции профессора совершенно разных вероисповеданий, причем в храме наук с них вовсе не требуется одной определенной религии" [Материалы для истории... 2014: XVI].

Открытие училища задержала Отечественная война 1812 г. Только в начале 1813 г. началось строительство комплекса зданий для него. И хотя училище задумывалось как армянское, с момента открытия в нем учились и "дети других наций из дворян и чиновников". То есть в 1815 г. в Москве появилось фактически русско-армянское учебное заведение. Уже в первые годы формируется его особенный образовательный профиль. Как впоследствии отмечал исполнявший в 1881-1897 гг. должность директора института Георгий Ильич Кананов, "учебное заведение Лазаревых должно было сразу отвечать трем основным целям: быть национальным светильником образования для армян; быть рассадником восточного языкознания в России; сделаться школою общеобразовательною для всех" [Кананов 1891: 3]. Вскоре училище стало известным за пределами России, притягивая талантливых армянских детей из зарубежной Европы и Ближнего Востока.

Статус училища возрос после победоносного завершения русско-турецкой войны 1826-1828 гг. Для управления вошедшими в состав Империи территориями требовались чиновники, знавшие языки и образ жизни местных народов. Лазаревское училище стало рассматриваться в правительственных кругах как учебное заведение, которое способно выпускать чиновников для службы на Кавказе.

* * *

Здесь следует прервать краткий обзор истории Лазаревского института и сказать несколько слов о настроениях значительной части российского общества. Ужасы французской революции вызвали уверенность в том, что вся Европа движется по ложному пути. Это обострило внимание ко всему неевропейскому, прежде всего – к Востоку. Впрочем, не только русская элита находилась в таком поиске. Нельзя не вспомнить немецких романтиков, пре-

жде всего Фридриха Шлегеля, чье сочинение “О языке и мудрости индийцев” произвело сильное впечатление на русского читателя.

В 1810 г. Сергей Семенович Уваров предложил проект Азиатской академии, в котором, вслед за Шлегелем, провозгласил Восток колыбелью цивилизации, фундаментом, на котором стоит современная Европа. Уваров считал, что в будущей академии следует собрать и перевести все доступные восточные рукописи. В этом проекте отразилась надежда многих образованных русских найти средство от захлестнувшего Европу духа прагматизма: быть может, введение в культурный обиход восточных рукописей вызовет ренессанс, сопоставимый с тем, который преобразил средневековую Европу, но при этом ренессанс – сугубо христианский.

Записка Уварова об Азиатской академии получила благожелательные отклики, в том числе Гете и Жозефа де Местра. Впрочем, в среде тогда немногочисленных профессиональных российских ориенталистов этот проект не вызвал особого интереса – по оценке Игнатия Юлиановича Крачковского, “никакого серьезного влияния на развитие нашего востоковедения высказанные здесь мысли не оказали”. Хотя само предложение об учреждении академии было назревшей необходимостью, реализовавшейся в начинаниях профессора Казанского университета, с 1819 г. директора Азиатского музея Христиана Даниловича Френа [Киселев 2012].

Усилия братьев Лазаревых в Москве не были единственными в тогдашней России. Преподавание восточных языков естественным образом началось прежде всего там, где имелись их носители. В возобновившей работу в 1799 г. – еще до открытия в 1804 г. Казанского университета – первой Казанской гимназии, находившейся “под главным ведомством” Московского университета, велось преподавание татарского языка – так наз. поволжского *тюрки* на арабской графике, книжного татарского языка, отличавшегося от разговорного. В 1807 г. в Казанском университете была открыта кафедра восточных языков [История... 1990: 118-120]. В первой половине 1820-х годов попечитель Казанского учебного округа Михаил Леонтьевич Магницкий, продолжая развивать азиатские исследования в Казанском университете, намеревался инициировать и создание Института восточных языков в Астрахани [Минаков 2001: 80]. А в результате активной деятельности преемника М.Л. Магницкого – Михаила Николаевича Мусина-Пушкина – в Казани открываются новые кафедры: в 1833 г. – монгольского, в 1837 – китайского, в 1839 – армянского, в 1842 – санскрита, в 1844 г. – маньчжурского языков. Студенты, изучавшие восточные языки, после трехлетнего курса оставлялись при университете еще на два года для практических занятий. Этот двухгодичный курс составлял при университете особое учреждение – Восточный институт [Веселовский 1879: 14-15].

Впоследствии Петербургский университет привлек из Казани практически все кадры востоковедов. Этот “фермент” породил невиданный эффект – в самом западном (в культурном смысле) городе Империи возник самый интенсивный интерес к Востоку.

* * *

Но вернемся в древнюю столицу. Лазаревское училище оказалось призванным заполнить нишу, которую не удалось занять Московскому университету. В университете преподавание восточных языков началось уже в 1811 г. усилиями

Алексея Васильевича Болдырева, будущего ректора (в 1833-1836 гг.), основателя московской школы ориенталистики, немало способствовавшего становлению и Лазаревского училища. Однако с 1837 г. преподавание прекратилось, а кафедра восточных языков оставалась вакантной до 1852 г. "за неимением преподавателей". Потому непреклонная настойчивость братьев Лазаревых в реализации столь сложной идеи создания ни на что не похожего учебного заведения оказалась подлинно государственным делом. Тем более что 29 мая 1823 г. Александр I подписал указ о создании при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел Учебного отделения восточных языков, куда предполагалось принимать выпускников восточных факультетов высших учебных заведений для подготовки к дипломатической службе [История... 1990: 155]. В 1835 г. Учебное отделение получило статус университета.

Существенным обстоятельством в становлении Лазаревского училища явилось то, что в ноябре 1824 г. оно получило особенный статус – был введен институт "главного начальника" над ним. Таковыми последовательно были доверенные лица императора – Алексей Андреевич Аракчеев, Александр Христофорович Бенкендорф, Алексей Федорович Орлов, Дмитрий Андреевич Толстой.

В декабре 1827 г. Комитет устройства учебных заведений определил дать учебному заведению Лазаревых новое название "Лазаревых Институт Восточных языков". Примечательно, что в тогдашнем Министерстве народного просвещения к институту относились с недоверием. Он отличался от казенных заведений необычной учебной программой и существовал на частные пожертвования. Министерство опасалось, что такому учебному заведению не хватит средств на собственное содержание. Однако к этому времени институт перешел под начало А.Х. Бенкендорфа, всесильного главы III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии. Проблемы, так или иначе, решались.

В поисках квалифицированных преподавателей Лазаревы использовали свои широкие связи в странах Европы, Ближнего и Среднего Востока. Они вели оживленную переписку с учебными и научными центрами Вены, Парижа, Венеции, Константинополя, Каира, интересуясь последними достижениями востоковедения и приобретая новинки научной и педагогической литературы. Эти усилия способствовали тому, что в институте сложились условия для стабильного преподавания турецкого, арабского и персидского языков.

В 1835 г. в ходе реформы учебных заведений империи Лазаревский институт был отнесен к так наз. второму разряду – наравне с гимназиями, корпусами и другими институтами. Спустя еще два года его преподаватели и руководители были зачислены на государственную службу. Важным признаком обретения официального статуса стало и разрешение ношения мундиров и мундирных фраков того же фасона, который носили в гимназиях Московского учебного округа, с той лишь разницей, что на пуговицах помещался не губернский, а государственный герб.

В 1848-1849 гг. – уже при новом кураторе, начальнике III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, шефе жандармов князе А.Ф. Орлове – была предпринята амбициозная и спорная реформа по "расширению" Лазаревского института до университетского уровня в части преподавания восточных языков. Эта реформа была инициирована Кавказским комитетом и проходила при оппозиции Министерства народного образования и лично министра Сергея Семеновича Уварова. В результате в одном учебном заведении оказались сосре-

доточены и гимназический, и университетский уровни образования, шестилетняя программа гимназических классов, где сохранялись восточные языки, сделалась чрезмерно сложной, а двух высших, лицейских, наоборот, сжатой. В гимназических классах осуществлялась подготовка сразу по нескольким направлениям – учителей для армянских школ, армяно-григорианских священнослужителей, чиновников и переводчиков для кавказской администрации. В результате восточные языки в этих классах стали восприниматься как излишняя нагрузка. Отведенных же для лицейских классов двух лет явно не хватало для освоения университетской программы восточных языков. Последовавшая в середине 1860-х годов реформа повлекла за собой внутреннее разграничение – гимназические классы перешли на "нормальную" программу с древними языками вместо восточных, преподавание которых в расширенном (трехлетнем) объеме было сосредоточено в спецклассах.

В 1870 г. куратором Лазаревского института стал министр народного просвещения Д.А. Толстой. В этот период институт был передан в ведение Министерства – в связи с пресечением мужской линии рода Лазаревых. Впрочем, последний его представитель, Христофор Екимович, согласно уставу учебного заведения, назначил попечителем своего зятя, генерал-майора, князя Семена Давыдовича Абамелик, которому впоследствии, по Высочайшему дозволению, было разрешено принять фамилию тестя и именоваться Абамелик-Лазаревым.

Его сын Сергей Семенович вместе с искусствоведом Адрианом Викторовичем Праховым и художником Василием Дмитриевичем Поленовым в начале 1880-х годов совершили путешествие по странам Передней Азии. Результаты этой экспедиции наделали тогда много шума в востоковедении, а С.С. Абамелик-Лазарев удостоился за них звания адъюнкта Парижской академии наук. Было сделано открытие всемирного значения. В ходе проведенных Абамелик-Лазаревым археологических раскопок среди развалин Пальмиры была обнаружена каменная плита, датированная 137 г., содержавшая текст таможенного тарифа, записанного на двух языках – арамейском и греческом. Все собранные во время этой экспедиции материалы, в том числе "пальмирский тариф", были опубликованы в 1884 г. в роскошно изданном альбоме "Пальмира". Сам памятник стараниями российского посла в Константинополе, выпускника Лазаревского института Ивана Алексеевича Зиновьева, был подарен турецким султаном Абдул-Хамидом II императору Николаю II и передан в Императорский Эрмитаж.

С назначением в 1881 г. на должность директора Георгия Ильича Кананова и, особенно, с назначением в 1897 г. директором Василия Федоровича Миллера преподавание восточных языков обретало все более научный характер. Преподавательская деятельность профессуры института стала сопровождаться активными научными изысканиями, к которым привлекались и студенты специальных классов. При В.Ф. Миллере были предприняты два серийных издания – "Эминский этнографический фонд" и "Труды по востоковедению".

* * *

Под воздействием событий смутных 1905-1906 гг. В.Ф. Миллер пришел к убеждению о необходимости отделить восточные спецклассы от гимназических. В марте 1907 г. директор направил в министерство проект преобразования специальных классов в самостоятельный Восточный институт, который

не имел бы ничего общего с гимназией. Тогда это предложение не получило поддержки властей. Вместе с тем, проекты реформирования подготовки востоковедов-практиков появлялись один за другим.

Здесь следует оговорить, что ни выпускники соответствующих факультетов университетов, ни выпускники спецклассов Лазаревского института, как правило, сразу по их окончании не были способны к практической дипломатической службе. Как уже упоминалось, для их "доводки" при Азиатском департаменте МИД имелось Учебное отделение восточных языков. Однако именно практикоориентированность отличала лазаревских питомцев от тех, кто оканчивал университеты. В итоге 30% поступивших на это отделение за все годы его существования составили выпускники Лазаревского института.

Парадоксально, но рассмотрение проектов оптимизации востоковедного образования пришло к логическому результату в 1917 г., когда возможность их реализации приближалась к нулю. Речь шла о создании нового учебного заведения – Дипломатического института. В мае 1917 г. была образована специальная комиссия. Предполагалось, что в институте будут три отдела – европейский (западный), ближневосточный и дальневосточный. Первый – для лиц с высшим юридическим или историко-филологическим образованием; второй – для выпускников спецклассов Лазаревского института и факультета восточных языков Петроградского университета; третий – для выпускников факультета восточных языков Петроградского университета и Института восточных языков во Владивостоке.

В конце XIX в. в Петербургской Академии наук давний раскол на "русскую партию" и "немецкую партию" обрел новые формы. Первая призывала к тому, чтобы российская наука занималась прежде всего российскими проблемами, в частности, востоковеды – нашим "внутренним" Востоком, российскими мусульманами, буддистами, русским Дальним Востоком. Вторая – чтобы в науке сохранялся традиционный "глобальный" подход. Из сегодняшнего дня позицию первых легко истолковать превратно – но до евразийства тогда еще не додумались. Они (как и их оппоненты) понимали Россию как ведущую европейскую державу, но русскую национальную специфику искали на Востоке [см. Тольц 2013]. Впрочем, выше уже было отмечено, что интеллектуальное тяготение к Востоку не есть специфически русская черта – для Германии, например, оно было характерно в существенно большей степени.

На рубеже веков среди части образованного общества возникло представление о том, что подлинная миссия Российской империи состоит в том, чтобы объединить Азию. Тех, кто выступал за поворот к Востоку, иногда именовали восточниками[1]. И если кавказское и среднеазиатское направления были интеллектуально "освоенными" уже достаточно давно, то наша дальневосточная окраина и все то, что было за ней, до XX в. оставались диковинкой, экзотикой. Отсутствие исследовательской традиции, очевидный дефицит подлинных знатоков предмета – обстоятельства, при которых политика легко подпадает под влияние случая, а в политической аналитике аргументы подменяются метафорами[2]. Многое, что происходило в политике Петербурга на Дальнем Востоке

[1] Основные направления такого "восточничества" обстоятельно изложены в книге: [Схиммельпеннинк ван дер Ойе 2009]. В 2016 г. ожидается выход на русском языке и другой книги канадского автора: [Schimmelpenninck van der Oye 2010].

[2] О роли метафоры в политике см. [Ванчугов 2015].

в конце XIX – начале XX в., было обусловлено такими случайными влияниями и предпочтениями. Думаю, эта сложная тема изучена далеко не до конца.

* * *

История Лазаревского института восточных языков завершилась серией лихорадочных преобразований и, наконец, образованием в 1921 г. на руинах всех московских востоковедных учебных заведений Московского института востоковедения (МИВ). В его учебном плане заметное место отводилось дисциплинам социально-экономического цикла, курсам по текущим проблемам мирового хозяйства и международной политики. В списке изучаемых языков значились не только языки стран Ближнего и Среднего Востока, но также китайский, хинди, индонезийский, японский.

МИВ дал блестящую плеяду выпускников. В конце 1940-х – начале 1950-х годов из его стен вышли Яков Михайлович Бергер, Юрий Михайлович Галенович, Татьяна Петровна Григорьева, Лев Петрович Делюсин, Роберт Григорьевич Ланда, Георгий Ильич Мирский, Евгений Максимович Примаков, Нодари Александрович Симония, Фарид Мустафьевич Сейфуль-Мулюков, Юлиан Семенович Семенов. Борис Борисович Парникель, Владимир Степанович Мясников, Игорь Алексеевич Рогачев и Олег Георгиевич Ульциферов начинали учиться в МИВ, а оканчивали уже МГИМО. За каждым из этих имен – история успеха в науке или дипломатии, педагогической, литературно-публицистической или государственной деятельности, а в случае Евгения Максимовича – едва ли не во всех этих областях. И вот очередной успех. Когда эта статья сдавалась в печать, пришло известие о награде – победителем в национальном конкурсе "Книга года – 2015" стал семитомник академика Мясникова "Кастальский ключ китаиста" [Мясников 2014].

В 1954 г. МИВ был присоединен к МГИМО, что позволило резко расширить перечень изучаемых стран и языков (Китай, Индия, Иран, Турция, Афганистан, страны арабского Востока). Профессура МГИМО пополнилась такими выдающимися востоковедами, как арабист Харлампий Карпович Баранов, тюрколог Владимир Михайлович Насилов, теоретик и практик персидского языка Лазарь Самойлович Персиков, китаист Николай Николаевич Коротков, японист Евгения Львовна Наврон-Войтинская. Библиотечные фонды МГИМО обогатились прекрасной библиотекой Лазаревского института. Преемственность преподавательского состава и библиотека – те "мосты", которые через МИВ связали Лазаревский институт восточных языков и МГИМО. Еще один важный аспект преемственности – упоминавшаяся выше практикоориентированность, акцент на страноведении и разговорном языке. Иные профессора и преподаватели Лазаревского института сетовали на царивший в учебном заведении прагматизм, на второстепенность научных штудий перед задачами подготовки драгоманов и чиновников. Но за это же и ценили его выпускников, прежде всего в Министерстве иностранных дел Российской империи. И закрытие в 1954 г. Московского института востоковедения в существенной степени было обусловлено тем, что практикоориентированность стала "проседать" – выпускники МИВ с трудом находили работу. Даже учитывая всю неоднозначность тогдашних социально-политических реалий, данное обстоятельство было тревожным сигналом.

Очевидно, что после 1917 г. условия для преподавания восточных языков и научных исследований существенно усложнились. Несмотря на вполне

конструктивную позицию по отношению к революционным властям, неоднократно арестовывался секретарь Петербургской Академии, директор Азиатского музея Сергей Федорович Ольденбург. Согласно бытующей в академических кругах легенде, когда он был арестован, президент Академии геолог Александр Петрович Карпинский послал Ленину отчаянную телеграмму примерно такого содержания: "Ввиду ареста Ольденбурга деятельность Академии полностью парализована". В 1922 г. ожидал в одиночке расстрела крупнейший арабист и "финский шпион" Игнатий Юлианович Крачковский.

В 2003 г. увидел свет биобиблиографический словарь репрессированных востоковедов. В нем 848 имен... [Люди и судьбы... 2003].

Впрочем, и те востоковеды, которые позитивно встретили большевиков и искренне стремились помочь им строить "новый мир", наталкивались на стену убогих идеологем. Выдающийся китаист, академик Василий Михайлович Алексеев, избежавший арестов и худшего, получал, например, такие, согласованные с отделом науки ЦК ВКП(б), оценки: "Работа представляет из себя крайне вредную реакционную мракобесную расистскую галиматью... смыкающуюся с фашистскими тенденциями в синологии в некоторых западноевропейских странах и особенно в Японии" [Баньковская 2010: 348].

Условия существования в рамках советской системы неизбежно затормозили развитие российского востоковедения, а в чем-то – повернули его вспять. Весьма значительное развитие получили лишь исследования Древнего Востока. В Санкт-Петербурге сложилась прекрасная школа постижения мертвых языков, школа работы с рукописями. Соответствующие исследования в минимальной степени связаны с политикой, и многие талантливейшие востоковеды уходили от нее в далекое прошлое. В Москве же Институт востоковедения АН СССР занимался более современными вопросами, будучи под жестким идеологическим контролем "инстанций".

Сколь тернисты были пути творческой мысли востоковеда даже в последние – "вегетарианские" – десятилетия советской истории, свидетельствует академическая биография моего старшего друга Нодари Александровича Симонии. В 1970-1980-х годах он создал работающую матрицу анализа взаимодействия "изменчивости" и "устойчивости" в процессах политических трансформаций. Несколько лет продолжался скандал вокруг изданной в 1975 г. его книги "Страны Востока: пути развития" [см. Симония 2005].

* * *

Любой, кто сегодня возьмется размышлять о проблемах востоковедения, не обойдет стороной написанную еще во второй половине 1970-х годов книгу американского ученого Эдварда Саида "*Orientalism. Western conceptions of the Orient*" [Said 1978]. Эта книга – о стереотипах, которые формируются в нашем сознании, зачастую помимо воли, и о политической мотивированности общественных наук. Ее разоблачительный (или саморазоблачительный) тон мне не близок. Книга была написана в контексте вызревавшего тогда мировоззрения, одним из проявлений которого стала политика так наз. *affirmative action*. Соответственно, востоковеды и востоковедение у Саида представлены, мягко говоря, тенденциозно.

История российского востоковедения свидетельствует, что реальность была сложнее и богаче. Востоковедение всегда выполняло важнейшую функ-

цию межкультурной коммуникации – преодоления острого ощущения чужеродности культуры и жизненного уклада стран Востока. И если Россия для многих европейцев находится в числе Других, через которых они определяют собственную идентичность, то Восток как некое умозрительное целое несет это бремя и по отношению к России тоже. Только погружаясь в китайскую, корейскую, японскую или какую-то иную "восточную" повседневность, сознаешь реальный масштаб того, что мешает некоторым считать себя европейцами. И тем весомее взаимопонимание, возникающее у тебя с людьми Востока.

При всех инструментально-колониальных свойствах ориентализма / востоковедения, оно зачастую располагало таким качеством знания своего предмета, которое отсутствовало в элитах изучаемых народов. И в этом смысле раздраженные инвективы Саида об изъянах ориентализма кажутся желанием потрафить вчерашним прилежным ученикам ориенталистов, ныне уже не желающим воспринимать себя как предмет изучения.

Просветительская роль востоковедения, таким образом, была амбивалентна. С одной стороны, востоковед привносил в изучаемый мир нечто удивительное, открывавшее захватывающие перспективы. С другой – менее всего ему следовало рассчитывать на благодарность, ибо эмансипированные с его помощью элиты были не склонны, во всяком случае публично, "делиться" обретенной славой с теми, кому обязаны новым пониманием огромного мира.

И все же – русским востоковедам легче. Как было легче в Австрийской империи – там тоже Восток был рядом и внутри. Еще одна аналогия, субъективная: в отношении к странам и людям Востока русские похожи на португальцев – максимум доброжелательности, минимум высокомерия. Русское востоковедение всегда было далеким от расизма, хотя и не лишено ноток превосходства. И, наверное, потому сегодня в иных бывших союзных республиках можно услышать гордое: "А у меня есть русский друг!". Даже в Афганистане многие вспоминают нас с уважением и благодарностью. Особая история – взаимоотношения с арабскими народами. Тот же Лазаревский институт вошел в анналы арабской истории. Наши арабисты недавно показали мне статью в "Аль-Кудс" иракского профессора Назима Маджида Хаммуда "Арабский язык в Царской России: исторический взгляд". В ней рассказывается об истоках арабистической школы в России. Немало места в статье уделено роли Лазаревского института в организации преподавания арабского языка в России и популяризации арабской литературы. Интересен один из комментариев к статье: "Уважаемый профессор, то, что вы написали, должны знать все арабы. Сегодня мало кто знает, что ислам, арабская культура и Палестина вошли в глубину великой российской культуры. За 70 лет господства западных СМИ выросли поколения, которые ничего об этом не знают"[3].

Разумеется, российское востоковедение и ориентализм в его саидовской версии нетождественны. Но некорректно и их противопоставление. Экспедиции тех, кто учил наших учителей, отправлялись в путь, снаряженные на средства Генерального штаба и озадаченные вопросами его стратегов. Российское востоковедение, как и британское, и французское, решало проблемы обеспечения контроля, актуального и перспективного. И ненормально,

[3] Арабский язык в Царской России: исторический взгляд. 2014. – *Аль-Кудс*. 03.03. (на арабском). URL: http://www.alquds.co.uk/?p=139457 (проверено 09.09.2015).

когда деликатные вопросы перестают задавать профессиональным востоковедам, обращаясь вместо этого к разнообразным феклушам и манефам, которые встречаются и с учеными степенями. К сожалению, постоянным конкурентом востоковедов за внимание власти были и остаются неофиты, по тем или иным причинам вообразившие, что им есть что сказать о Востоке (о том Востоке, который существует лишь в их воображении).

* * *

При всей ее поучительности книга Эдварда Саида принадлежит истории. Сорок лет назад, ощущая тектонические сдвиги, Саид попытался стать голосом Востока. С тех пор академическая мысль *Не-Запада* уверенно заговорила сама и смогла переосмыслить то, что казалось незыблемыми константами – например, концепцию постиндустриального развития. И фактическая, и рефлексивная субъектность современного *Не-Запада* отражена в десятках монографий[4].

Однако постепенное преодоление периферийности восточных обществ влекло за собой и качественное усложнение структуры научного знания – *Oriental Studies*, или востоковедения. В западной науке эти процессы шли быстрее, в советской – медленнее. Экономическая и политологическая проблематика деструктурировала былую целостность знания. Востоковедение превратилось в страноведение, а затем – в *Area Studies*. В международной же политэкономии и экономике – в *Regional Science*.

Но, несмотря на все факторы торможения, уже в наши дни в российском востоковедении была сформулирована оригинальная и перспективная концепция конгломератных обществ. "Под ними понимаются общества, для которых характерно длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделеобразующих элементов и основанных на них отношений. Эти пласты образуют внутри общества отдельные анклавы, эффективность организованности которых позволяет анклавам выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата, сохраняя между собой неизменные или мало изменяющиеся пропорции" [Богатуров, Виноградов 2002].

В каких дисциплинарных рамках исследовать процессы, протекающие в современном мире? Что такое незападоцентричный взгляд на мир? Или каждый глобальный макрорегион достоин своего, специфического подхода? Мы имеем дело с весьма неопределенной междисциплинарностью и даже скорее постдисциплинарностью, которая должна наследовать востоковедению. В контексте же темы этой статьи ключевым является то обстоятельство, что понятие "*Не-Запад*" существенно шире и сложнее, чем понятие "Восток" [см. подр. Воскресенский 2013]. То есть проблема заключается не только в удержании и продолжении оригинальной востоковедной исследовательской традиции. Хотя уже одно это является титанической задачей.

Российское востоковедение находится сегодня в весьма непростом положении. По причинам, которые вполне могут быть отнесены к категории объективных, наши общественные науки в целом не слишком рефлексируют по отношению к проблематике мировых дебатов о методологических основах науки, востоковедения в том числе. Многие десятилетия на такую рефлексию было наложено табу.

[4] См. напр. обстоятельный обзор незападных концепций международных отношений и мировой политики: [Non-Western... 2010].

В 1943 г. в заметках, сделанных к докладу на собрании ученых в Боровом (в эвакуации), Василий Михайлович Алексеев констатировал: "Востоковедение *может быть* и было до сих пор наукой прежде всего *комплексной*". Но тут же подчеркивал: "Комплексное востоковедение вымирает. Никто не сменил на их постах и их ролях академиков Бартольда, Коковцова, Щербатского. Мы, их слабые соратники, умрем – и все распадется на части. Историк-китаист не будет уметь читать философов, китаист-философ – поэтов, поэтолог – без знания разговорного языка, географ – без литературы, литературовед – без археологии и т.д. Каждый будет смотреть на Восток из своего уголка, а *целого* Востока не увидит" [Алексеев 1982: 191].

К сожалению, прогноз великого китаиста оказался пророческим. Востоковедение – как интегральное знание и понимание – разбрелось по "национальным квартирам", сосредоточилось на конкретике – либо прагматической, либо отвлеченно локальной. Встречаясь на конференциях, наши востоковеды с удивлением узнают много нового от российских же коллег, занимающихся странами-соседями. Приходится признать, что мы утратили единое проблемное поле, которое связывало нас столетие назад.

Давно назрела академическая дискуссия о состоянии, проблемах и перспективах российского востоковедения, о нашем взаимодействии с коллегами на Востоке и на Западе. К прояснению всех этих вопросов нас обязывает долг перед нашими учителями, которые, вопреки всему, связали нас с великими востоковедами прошлого. К этому нас обязывает и та надежда, которую мы читаем в студенческих глазах, входя в университетскую аудиторию. Журнал "Полис. Политические исследования" мог бы стать площадкой для такой дискуссии.

* * *

Лазаревский институт восточных языков просуществовал чуть более века. Мы вспоминаем о нем еще столетие спустя. И потому нам более отчетливо видно, в чем заключается преемственность МГИМО по отношению к этому уникальному учебному заведению. Есть очевидные признаки: ориентация на подготовку практиков, а не теоретиков; переход значительной части преподавателей Лазаревского в Московский институт востоковедения, а преподавателей МИВ – в МГИМО; наконец, наследование богатейшей библиотеки. Все это очень важно, но главное, думаю, не в этом.

Современный МГИМО наследует сущностную характеристику Лазаревского института, предопределившую необычайную жизнеспособность последнего. Нынешнее развитие МГИМО осуществляется не по начальственному предписанию, а по инициативе самих профессоров и преподавателей, исходя из нашего общего понимания интересов Российской Федерации и российского общества. Мы стремимся в максимальной степени соответствовать требованиям и правилам, которые задают высшим учебным заведениям органы государственной власти. Но, как и когда-то Лазаревский институт, мы сами определяем программы и стандарты образования, открываем новые специальности, потребность в которых только формируется.

Вместе с тем, налицо и существенное отличие. Обеспечивая востребованность своих выпускников в тогдашнем государственном аппарате и тогдашнем бизнесе, Лазаревский институт был вынужден делать это в ущерб серьез-

ной науке, которая оказывалась на втором плане. Современный МГИМО, как и его предшественники, умеет хорошо учить, наряду с западными, 24 (!) восточным языкам, дает качественную страноведческую подготовку. Но делает это уже не за счет науки. Эффективного практика сегодня не вырастишь вне качественной рефлексии происходящих в мире процессов. Наследуя традиции Лазаревского института, МГИМО является центром академической науки. Сегодня, помимо кафедры востоковедения, в университете в рамках Института международных исследований работает ряд востоковедных центров – исследований Восточной Азии и ШОС; ближневосточных исследований; партнерства цивилизаций. Структурным подразделением МГИМО является учрежденный на паритетных началах с Секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии Центр АСЕАН. Мы стремимся стать исследовательским университетом мирового класса в области комплексных международных исследований – международных отношений и политологии; сравнительного правоведения и международного права; региональных экономических исследований и зарубежного регионоведения; правового регулирования мировой энергетики; прикладной лингвистики и лингвострановедения.

Алексеев В.М. 1982. *Наука о Востоке. Статьи и документы*. М.: Главная редакция восточной литературы. 535 с.

Баньковская М.В. 2010. *Василий Михайлович Алексеев и Китай. Книга об отце*. М.: Восточная литература. 485 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. 2002. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории. – *Восток – Запад – Россия. Сб. ст. к 70-летию академика Нодари Александровича Симония*. М.: Прогресс-Традиция. С. 109-128.

Ванчугов В.В. 2015. От "Острова" к "Крепости": метафора как инструмент политического анализа и практической политики. – *Тетради по консерватизму*. № 1. С. 170-179.

Веселовский Н.И. 1879. *Сведения об официальном преподавании восточных языков в России*. СПб. 162 с.

Воскресенский А.Д. 2013. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений. – *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 82-96.

История отечественного востоковедения до середины XIX в. 1990. М.: Наука. 439 с.

Кананов Г.И. 1891. *Семидесятипятилетие Лазаревского института восточных языков. 1815-1890 гг.* М.: Типография А.А. Гатцука. 254 с.

Киселев В.С. 2012. "...Чтобы в России заведена была Азиатская академия": "Projet d'une Académie Asiatique" С.С. Уварова в истории российского ориентализма. – *Вестник Томского государственного университета. Серия Филология*. № 3 (19). С. 66-74.

Люди и судьбы. Биобиблиографический словарь востоковедов – жертв политического террора в советский период (1917–1991) (под ред. Я.В. Василькова, М.Ю. Сорокиной). 2003. СПб.: Петербургское востоковедение. 495 с.

Материалы для истории Лазаревского института восточных языков. 1914. Вып. 1. М. 57 с.

Минаков А.Ю. 2001. М.Л. Магницкий: к вопросу о биографии и мировоззрении предтечи русских православных консерваторов XIX века. – *Консерватизм в России и мире: прошлое и настоящее*. Вып. 1. Воронеж. С. 58-92.

Мясников В.С. 2014. *Кастальский ключ китаеведа. Сочинения в 7 томах*. М.: Наука; ИНИОН РАН. 528; 470; 606; 486; 504; 578; 652 с.

Симония Н.А. 2005. "Мой марксизм – это не марксизм советских учебников...". – *Международные процессы*. Том 3. № 1 (7). Январь-апрель. С. 87-96.

Схиммельпеннинк ван дер Ойе Д. 2009. *Навстречу Восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М.: Новое литературное обозрение. 419 с.

Тольц В. 2013. *"Собственный Восток России". Политика идентичности и востоковедения в позднеимперский и раннесоветский период.* М.: Новое литературное обозрение. 332 с.

Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia (ed. by A. Acharya, B. Buzan). 2010. New York: Routledge. 253 p.

Said E.W. 1978. *Orientalism. Western conceptions of the Orient*. London: Routledge and Kegan Paul. XXX, 394 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. 2010. *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press. 312 p. DOI: http://dx.doi.org/10.12987/yale/9780300110630.001.0001

DOI: 10.17976/jpps/2015.06.03

THE LAZAREV INSTITUTE: CRADLE OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

A.V. Torkunov[1]

[1]*Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Moscow, Russia*

TORKUNOV Anatoly Vasilyevich, Dr. Sci. (Pol. Sci.), Full Member of RAS, Rector, Moscow State Institute of International Relations (University), MFA of Russia. Email: rectorat@inno.mgimo.ru

Received: 03.08.2015. Accepted: 15.09.2015

Abstract. The article analyses the history of the Lazarev Institute of Oriental Languages, which was founded in Moscow in 1815 and flourished for an entire century until 1917. The Lazarev Institute is recognized as one of the most important institutional foundations of the Moscow School of Oriental Studies. The author goes into the specifics of this educational establishment which initially was a private institution, a characteristic which explained its vitality and the emphasis it placed on seeking to meet the daily needs of the state apparatus, particularly of the Ministry of Foreign Affairs. The impact of the history of the Lazarev Institute as deeply intertwined with the evolution of the Eastern (formerly Oriental) Studies as a discipline in Russia at large. Political upheavals in Europe at the end of the XVIII – first half of the XIX century revived the interest of the Russian educated society in all non-European, and especially Eastern affairs, which exerted a favorable influence on the development of the Russian school of Oriental Studies. Furthermore, at the turn of the XX century, the focus shifted substantially to the Middle East, to Caucasian, Central Asian Far Eastern matters. The Lazarev Institute, and the traditions it established, have left a profound footprint on Russian and Soviet Oriental Studies. These traditions were inherited in its turn by MGIMO University following its merger with the Institute of Oriental Studies – the successor of the Lazarev Institute. One of the current challenges for contemporary Eastern Studies as an academic discipline is that scientific knowledge is becoming increasingly complex qualitatively as the structure of scientific knowledge, with its former conceptual integrity, is clearly falling apart. The author argues that the notion of "Non-West" is far broader and more complex than that of "the East". Yet, Russian Oriental Studies, as an united system of knowledge and understanding, has broken up and the focus is being diverted to dealing with specific, mainly pragmatic or purely local issues rather than considering this part of the world in its entirety. Russian Orientalists seem to have lost sight of the integrated problem field that united them a century ago, and have retreated to their respective "national corners". The article advocates the need for an academic discussion on the status, problems and prospects of Russian oriental studies, as well as the opportunities for cooperation with colleagues in the East and the West.

Keywords: Lazarevsky Institute of Oriental Languages; Moscow State Institute of International Relations; Russian Oriental Studies; Eastern Studies.

References

Alekseev V.M. *Nauka o Vostoke. Stat'i i dokumenty* [Oriental Studies. Articles and Documents]. Moscow: The Central Editorial Office for Oriental Literature. 1982. 535 p. (In Russ.)

Bankovskaya M.V. *Vasilii Mikhailovich Alekseev i Kitai. Kniga ob ottse* [Vasiliy Mikhaylovich Alekseev and China. The Book on My Father]. Moscow: Oriental Literature. 2010. 485 p. (In Russ.)

Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. Anklavno-konglomeratnyi tip razvitiya. Opyt transsistemnoi teorii [The Enclave-Conglomerate Development Type. Testing the Trans-System Approach]. – *Vostok – Zapad – Rossiya. Sbornik statei k 70-letiyu akademika Nodari Aleksandrovicha Simoniya* [The Collection of Articles to Commemorate the 70th Anniversary of Nodari Simonia, Member of the Academy of Sciences]. Moscow: Progress-Traditsiya. 2002. P. 109-128. (In Russ.)

Istoriya otechestvennogo vostokovedeniya do serediny XIX v. [The History of National Oriental Studies till the mid-19th Century]. Moscow: Nauka. 1990. 439 p. (In Russ.)

Kananov G.I. *Semidesyatipyatiletie Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. 1815-1890 gg.* [The 75th anniversary of the Lazarev Institute of the Oriental Languages. 1815-1890]. Moscow: Tipografiya A.A. Gattsuka. 1891. VIII, 254 p. (In Russ.)

Kiselev V.S. "...Thus, the Asian Academy is to be Established in Russia": "Projet d'une Académie Asiatique" by S. Uvarov in the History of Oriental Studies in Russia. – *Tomsk State University Bulletin. Philology series*. 2012. No. 3 (19). P. 66-74. (In Russ.)

Lyudi i sud'by. Biobibliograficheskii slovar' vostokovedov – zhertv politicheskogo terrora v sovetskii period (1917–1991) (pod red. Ya.V. Vasilkova, M.Yu. Sorokinoi) [People and Their Fates. Bibliographical Directory of Orientalists, Falling Victims to the Soviet Political Terror (1917–1991). Ed. by Y. Vasilkov Y, M. Sorokina)]. Moscow, Saint Petersburg: The Petersburg Oriental Studies. 2003. 495 p. (In Russ.)

Materialy dlya istorii Lazarevskogo instituta vostochnykh yazykov. Vyp. 1. [Materials on the History of the Lazarev Institute of the Oriental Languages]. Ed. 1. Moscow. 1914. 57 p. (In Russ.)

Minakov A.Yu. M.L. Magnitskii: k voprosu o biografii i mirovozzrenii predtechi russkikh pravoslavnykh konservatorov XIX veka [M.L. Magnitskii: On the Biography and the Worldview of the Precursor of the XIX Century Russian Orthodox Conservatives]. – *Konservatizm v Rossii i mire: proshloe i nastoyashchee. Vyp. 1.* [Conservatism in Russia and in the World: the Past and the Future]. Ed. 1. Voronezh. 2001. P. 58-92. (In Russ.)

Myasnikov V.S. *Kastal'skii klyuch kitaeveda. Sochineniya v 7 tomakh* [The Castalian Spring of a Sinologist. Seven-volume Set of Works]. Moscow: Nauka, INION RAS. 2014. 528; 470; 606; 486; 504; 578; 652 p. (In Russ.)

Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia (ed. by A. Acharya, B. Buzan). New York.: Routledge. 2010. 253 p.

Said E.W. *Orientalism. Western conceptions of the Orient*. London: Routledge and Kegan Paul. 1978. XXX, 394 p.

Schimmelpenninck van der Oye D. *Russian Orientalism. Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration*. New Haven, CT: Yale University Press. 2010. 312 p. DOI: http://dx.doi.org/10.12987/yale/9780300110630.001.0001

Schimmelpenninck van der Oye D. *Toward the Rising Sun: Russian Ideologies of Empire and the Path to War with Japan*. (Russ. ed.: Schimmelpenninck van der Oye D. Navstrechu Voskhodyashchemu solntsu: Kak imperskoe mifotvorchestvo privelo Rossiyu k voine s Yaponiei. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2009. 419 p.)

Simonia N.A. "My Marxism is not the one Promoted in Soviet Textbooks...". – *International Trends*. 2005. Vol. 3. No. 1 (7). January-April. P. 87-96. (In Russ.)

Tolts V. *"Sobstvennyi Vostok Rossii". Politika identichnosti i vostokovedeniya v pozdneimperskii i rannesovetskii period* ["Russia's Own East". Identity Politics and Oriental Studies in Politics in the Late Imperial and the Early Soviet Period]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. 332 p. (In Russ.)

Vanchugov V.V. From the "Island" to the "Fortress": Metaphor as an Instrument of Political Analysis and Practical Politics]. – *Essays on Conservatism*. 2015. No. 1. P. 170-179. (In Russ.)

Veselovskii N.I. *Svedeniya ob ofitsial'nom prepodavanii vostochnykh yazykov v Rossii* [Official Data on Teaching Oriental Languages in Russia]. Saint Petersburg. 1879. 162 p. (In Russ.)

Voskressenski A.D. World Regional Studies and the Prospects of Non-western (Sinocized) International Relations (IR) Theory. – *Polis. Political Studies*. 2013. No. 6. P. 82-96. (In Russ.)